

въ темной комнатѣ? Можетъ быть, ему хотѣлось сколько-нибудь выпить воды, но рука его не протягивалась къ стакану; можетъ быть, ему хотѣлось посидѣть, повернуться на другой бокъ, но силъ не доставало для этого. Бѣдный труженикъ! Что ты въ это время думалъ, что перечувствовалъ? Благословлялъ ли ты судьбу, что она дала тебѣ возможность быть наставникомъ въ академіи?» (ч. 1, стр. 160).

Не одна смерть отнимала лучшихъ наставниковъ у академіи; роковыя обстоятельства удаляли тѣхъ изъ нихъ, которые долго еще послѣ своей отставки жили. «Человѣкъ честный, благородный, безупречный въ своемъ поведеніи, съ твердою волею, съ стоическимъ характеромъ, безъ надменности и высокомерія, неспособный къ лести и низкопоклонству, врагъ ханжества и лицемерія, человѣкъ, такъ сказать, античный, съ возвышенною душою, замѣчательный ученый въ тогдашнемъ духовенствѣ» (№ 9 «В. Евр.» 1872 г., стр. 164), словомъ, протоіерей и профессоръ Герасимъ Петровичъ Павскій уволенъ отъ академической службы въ началѣ 1835 г. послѣ того, какъ долженъ былъ оставить должность законоучителя Наслѣдника русскаго престола. Такимъ образомъ изъ первокурсныхъ ветерановъ остался въ академіи только Кочетовъ. Прибавлю еще къ этому, что въ одинъ годъ съ Павскимъ профессоръ Вершинскій счелъ за лучшее свою академическую катедру по философіи промѣнять на мѣсто священника при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ.

Смерть или удаление изъ академіи перечисленныхъ мною наставниковъ происходили по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ ректора Виталія Щепетева; тутъ его не въ чемъ обвинять; напр. онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ къ Павскому и продолжалъ съ нимъ знакомство и послѣ его отставки, хотя такое уваженіе и знакомство было не безопасно для него, потому что его протекторъ, всемогущій въ то время митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, былъ главнѣйшимъ виновникомъ паденія Павскаго. Съ другой стороны Щепетевъ по причинамъ, не дѣлающимъ ему чести, едва ли единственно не изъ желанія выслужиться предъ своимъ грознымъ патрономъ, выжилъ изъ академіи одного изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ наставниковъ, а другого, такъ сказать, добилъ окончательно. Въ сентябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» 1872 года сказано, что Делекторскій, бакалавръ общей словесности, былъ удаленъ изъ академіи. Къ этому удаленію не было никакихъ поводовъ. Болѣе усерднаго, исправнаго, дѣльнаго и опытнаго по своему предмету наставника, чѣмъ Делекторскій, трудно было найти. Но у него было одно величайшее